
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

DOI 10.24411/1813-145X-2018-10082

УДК 008(091)

М. В. Новиков

<https://orcid.org/0000-0002-2013-1919>

Т. Б. Перфилова

<https://orcid.org/0000-0002-2498-8688>

Концепция мифа Ф. И. Буслаева

Выполнено по государственному заданию Минобрнауки России, проект 33.7591.2017/8.9

Статья является продолжением предыдущих публикаций [24], связанных с изучением творческого наследия великого русского ученого Ф. И. Буслаева. В ней подчеркивается новаторство академика в разработке мифологического дискурса в России XIX в.: он первым приступил к осмыслению проблем мифа, мифотворчества, мифологического типа мышления, явился создателем оригинальной мифологической теории. Отмечается, что при рассмотрении мифа ученый руководствовался идеями немецкой классической философии: он констатировал неотделимость реакций человеческого духа от психических регуляторов мыслительных процессов; синхронизировал возникновение языка и мифа; связывал происхождение и языка, и мифа с бессознательными компонентами народного сознания; видел в мифе проявление языкового мировидения доисторических народов; относил и язык, и мифологию к архетипическим фундаментальным основаниям национальной культуры. В поисках дефиниций мифологического мышления как первоначальной вневременной малоподвижной формы психо-эмоционального видения первобытными людьми окружающего мира ученый изучил генезис и сущность мифа. По Буслаеву, миф – это не просто рассказ о богах или героях, а единственно возможный для архаических и древних народов способ «уразумения» мира, «способ мыслить и выражаться». Он обратил внимание на многофункциональность мифа: парадигмальный статус в моделировании «формата» мировоззрения и поведенческих реакций многих поколений соплеменников, его роль в познании Вселенной и социума, воспитании эстетического вкуса, развитии нравственного, правового, художественного сознания; высказал важные соображения об актуализации и историзации содержания мифов.

Признание «творчества языка» в духовном развитии народа, с одной стороны, и убеждение в том, что миф был важнейшим явлением культурной истории человечества, господствовавшим над его эмоциональной и интеллектуальной жизнью на протяжении тысячелетий – с другой составляют содержание мифологической концепции Буслаева.

Ключевые слова: миф, мифотворчество, мифологическое мышление, мифологическая концепция, фундаментальные основания национальной культуры (язык, религия, мифология).

THEORETICAL ASPECTS TO STUDY CULTURAL PROCESSES

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

F. I. Buslaev's Myth Concept

The article is continuation of previous publications [24] concerning the study of Great Russian scientist F. I. Buslaev's creative heritage. Here is emphasized the innovation of the academician in development of the mythological discourse in Russia of the 19-th century: he was the first who started to comprehend problems of the myth, formation of myths, mythological type of thinking, he was a creator of the original mythological theory. It is marked that when reviewing the myth the scientist was guided by the ideas of the German classical philosophy: he stated inseparability of responses of human spirit from mental regulators of thought processes; synchronized the origin of language and myth; connected the origin of both language, and the myth to unconscious components of national consciousness; he saw manifestation of the language world view of prehistoric peoples in the myth; he considered both the language, and mythology to the archetypic fundamental bases of national culture. In search of definitions of mythological thinking as an original timeless inactive form of psycho-emotional vision by primitive people of the world around the scientist studied genesis and entity of the myth. According to Buslaev, the myth is not just a story about gods or heroes, and the method of «understanding» of

the world, unique for the archaic and ancient people, «the method to think and express». He paid attention to multifunctional performance of the myth: the paradigm status in simulation of «format» of outlook and behavioral responses of many generations tribesmen, its role in knowledge of the Universe and society, education of aesthetic taste, development of moral, legal, art consciousness; he made important observations about updating and historization of contents of myths.

Recognition of «creativity of language» in spiritual development of the people, on the one hand, and belief that the myth was the most important phenomenon of cultural history of mankind dominating over his emotional and intellectual life throughout the millennia – on the other, make the content of Buslaev's mythological concept.

Keywords: myth, formation of myths, mythological thinking, mythological concept, fundamental bases of national culture (language, religion, mythology).

В первой половине XIX в., когда Ф. И. Буслаев приступил к своей научной деятельности, желание постичь историю «допотопных формаций всего земного шара» могли вынашивать почти исключительно лингвисты, потому что неоспоримые свидетельства возникновения «истории словесности» задолго до того, как какой-либо народ «впервые вставал на историческое поприще», принадлежали только языкознанию.

Само собой разумеется, что лингвистика не располагала точными хронологическими и историческими фактами «об этой незапамятной, доисторической эпохе», но плодотворный метод сравнительного изучения языков, а также вскоре добавившееся к нему сравнительное изучение мифологии и народной словесности дали возможность «по древнейшим остаткам в отдельных словах и выражениях языков, не только уже вымерших, каковы греческий, латинский, но и живых, каковы немецкий, литовский, славянский, а также по остаткам национальных преданий, обычаев и верований» составить довольно точные представления о «первобытном доисторическом развитии родственных, индоевропейских, народов» [7, с. 110].

Их родство проявлялось в хорошо представленных закономерностях грамматического характера: наличии общих склонений и спряжений, местоимений, числительных. Но гораздо важнее было то, что языки индоевропейцев удержали следы их «первоначального мышления» [8, с. 138], поэтому они отразили «первобытные начала цивилизации... состоявшие в общих мифологических верованиях... в некоторых умственных понятиях» [7, с. 111]. Таким образом, изучение древнейших форм языка, содержащих целый «мир идей и представлений» [7, с. 111], вселяло надежды проникнуть в особенности мироощущения индоевропейцев, открывало перспективы обнаружения в наиболее древних языковых слоях «следы самого раннего религиозного и мифологического сознания» [3, с. 153], «первоначального мышления» [8, с. 138].

Практики этимологического и сравнительно-исторического анализа, подвластные лингвистам, позволяли им обнаруживать в языках «неистощимые источники ранних мифологических пред-

ставлений, которые человек соединял с названиями предметов и явлений окружающей его природы и своей собственной жизни» [3, с. 511].

Подобное отношение к языку, который рассматривался не просто как средство общения между людьми, а воспринимался «сокровищницей первоначальных воззрений человека на себя и на природу» [3, с. 515], и позволило Ф. И. Буслаеву – приверженцу учения Я. Гримма и немецкой классической философии – приступить к опытам изучения особого типа мышления людей доисторической эпохи и ранних цивилизаций.

В статье «Славянские сказки» он транслирует важнейшее положение философской антропологии В. Гумбольдта о наличии «общих законов развития человеческого духа, который в своем младенчестве везде и всегда выражается одинаковыми явлениями», дающими право соотнести их с «известными моментами в психологическом развитии человечества». Эти «моменты», то есть стадии (этапы), психодинамики людей отражены в их языке, мифологии, поэзии, обычаях [17, с. 309, 310].

В другой своей работе – «О сродстве одного русского заклания с немецким, относящимся к эпохе языческой» – он также выражает уверенность в том, что «в мышлении всего человечества оказываются одинаковые законы логики», а наблюдающееся сходство «в чувствованиях и верованиях различных народов» заставляет признать их источником «неизменные основные свойства души человеческой» [10, с. 252].

Констатируя неотделимость реакций человеческого духа от психических регуляторов мыслительных процессов, Ф. И. Буслаев и стремится понять природу древнейшего по времени возникновения и уникального в своих характеристических свойствах типа мышления архаических и древних обществ.

К выяснению специфики мифологического мышления как «основного способа понимания (конкретно-образного постижения-переживания) мира и разрешения его противоречий» при помощи мифа, мифологии [27, с. 9] Ф. И. Буслаев возвращался многократно, стремясь в деталях донести своей аудитории всю уникальность этого психолингвистического феномена. Ему и принадле-

жит определение этого типа мышления, или способ «уразумения» мира, а точнее, мироощущения, мирочувствования, миропереживания, как мифологического [3, с. 512, 513].

Мифологический тип мышления, сообщал ученый, был особым «способом понимать вещи, умственным приемом для уразумения, способом мыслить и выражаться» [19, с. 680]. Поэтому мифологию нельзя сводить только к религии и видеть в ней, как это делали прежде исследователи мифотворчества, «округленную систему учения о богах и полубогах, нечто в роде догмата исповедания» [19, с. 679]. Миф был «первой умственной попыткой [человека. – М. Н., Т. П.] дать себе отчет об окружающем мире... первым шагом к познанию природы и себя самого в отношении к ней» [2, с. 252].

Хотя к такому пониманию сущности мифа Ф. И. Буслаев пришел не сразу, в его магистерской диссертации уже содержались подсказанные немецкими философами оригинальные зародыши идей, которые со временем превратятся в убеждения и лягут в основу его собственной мифологической концепции. Мифология, сообщал соискатель в 1848 г., «есть не иное что, как народное сознание природы и духа, выразившееся в определенных образах; потому-то она так глубоко входит в образование языка как первоначального проявления сознания народного. Слово понимается каждым согласно с его образом мыслей; а народ, образующий язык, находится в периоде бессознательного обоготворения сил природы; следовательно, весь язык, прошедши этот период, удерживает в себе следы первоначального мышления» [9, с. 65, 66].

Выявленные диссертантом бессознательные компоненты народного сознания, онтологически и генетически схожие с языковым мировидением, придадут смысл его последующим научным интенциям и подскажут способ дефиниции мифологического мышления: через рассмотрение природы мифа.

В статье «Мифические предания о человеке и природе», теоретическая часть которой продублировала изложенные в диссертации представления Ф. И. Буслаева о генезисе мифологии, особо подчеркивается непреднамеренный, неотрефлексированный характер мифотворчества.

Миф появляется на самой ранней стадии развития человечества, представляя собой выражение «бессознательной, первобытной жизни народа» [8, с. 137]. «Широким и глубоким основанием» неизбежности зарождения мифов была «необходимая потребность» народа в веровании, объясняющем существование губительных для людей или,

наоборот, благодетельных внешних сил, подчиняющих себе жизнь и быт человеческих сообществ. «Народные мифы – это первые и блистательные порождения верования и творческой фантазии, возбужденные условиями народного быта и историческими судьбами племен», – сообщает он.

«Доисторическое, темное» происхождение мифа, еще скрытое от науки, дает ученому лишь право утверждать, что при всей его слитности с «общим национальным преданием», народной поэзией, он все же имеет от них существенное отличие: «в понятиях народа [миф. – М. Н., Т. П.] соединился с началом знания, чародейства и заклинания, а также права и языческих обрядов» [20, с. 18, 19]. Это значит, что миф был многофункционален: в отличие от других форм словесного творчества, он выполнял образовательную функцию, предлагая свое объяснение природных и социальных явлений и процессов; сопровождал священные ритуалы и регулировал религиозное поведение своих творцов; при помощи художественных образов и сюжетов воспитывал нравственное сознание и эстетический вкус создавшего его народа. Народ не помнит, «чтобы когда-нибудь изобрел он свою мифологию», как и язык, обычаи, обряды, – вся эта анонимная «родная старина», лишенная точных временных параметров, прочно вошла в ткань нравственного бытия людей, став опорой их национальной истории и культуры [20, с. 1, 18].

В мифе всегда содержится убеждение в его истинности, правдивости, хотя в нем неизменно присутствует и начало «обаятельного чудесного», то есть необъяснимого, невероятного. Однако несмотря на то, что при постижении тайн природного и космического Универсума неизбежно закрадывались ошибки, облеченные в фантастический покров, миф всегда воспринимался как быль, а «не как выдумка, не как поэтическая прикраса», не как выражение «только праздного эстетического чувства» [17, с. 309, 310].

Самые смелые вопросы «пробужденного ума о таинственных силах и явлениях природы» [15, с. 129], о «великих и существенных» законах жизни находили свои ответы в теогонических и космологических мифах, в эпосе, загадках, поучениях [2, с. 252]. Но «любопытная пытливость» первобытных людей, при помощи мифов овладевавших тайнами существования Вселенной, постоянно обуздывалась «верованием в чудесное», генерированным теми же мифами.

«Глубоко вкоренившись в сердце каждого», миф бережно хранился в коллективной памяти и был общенародным достоянием, исключавшим «случайную выдумку личного происхождения»:

«как действительность, как внешнее событие, признанное всеми за правду», миф на века превращался в эту правду, определяя само «разумение» первых людей и составляя суть их «мифического воззрения на мир» [3, с. 512].

«Внешнюю опору мифу» давала культурно-историческая среда его бытования: то, что было пережито народом и «срослось со всем его бытом и характером, и что само собою остается в его среде вместе с прожитой жизнью...» [17, с. 310].

Система мифов – мифология – заменила «младенствующему» человечеству «всякую мудрость и знание». Более того, соединившись с верованием и обрядом, жизненной и религиозной практикой, она приобрела значение священной реликвии.

Миф, став «вещим словом», никогда не воспринимался отдельно от «знания... мысли и поэзии, вымысла и истории, обряда и поэтической речи» [7, с. 180, 244, 245], сопровождая, таким образом, появление на свет всех форм творчества, художественного сознания доисторических народов.

Миф существовал в устной традиции как многовековая мудрость предков, передававших из поколения в поколение «народное сознание природы и духа, выразившееся в определенных образах» [2, с. 257; 8, с. 138]. Представляя собой «первоначальное проявление сознания народного», миф не был отделен от языка его создателей. Он присутствовал и при зарождении самого языка, наполнял язык воззрениями людей, превращал его в хранилище «мифологических убеждений и воззрений» народа [3, с. 515; 8, с. 138]. Потому отделить язык от «мифического предания», как и от верований и убеждений архаического человека, невозможно: и в способе восприятия, и в мыслительных традициях уяснения информации, обработки фактов, а также их сохранения и передачи потомкам всегда присутствовал образ мыслей людей, рожденный мифом и выражавшийся в «мифологических верованиях и убеждениях» [3, с. 514].

Признание очевидности факта «участия языка в духовном развитии народа» [12, с. 159], с одной стороны, и убеждение в том, что миф был важнейшим явлением культурной истории человечества, господствовавшим над его психо-эмоциональной и духовной жизнью на протяжении тысячелетий, – с другой составляет суть мифологической концепции Ф. И. Буслаева.

Рассмотрение природы мифа через ее интерпретацию Ф. И. Буслаевым (*А. Л. Топорков сообщает, что в трудах русских филологов XIX в. концепт «миф» имел пять значений: «1) особым образом осмысленное явление природы; 2) слово с образным содержанием (“слово-миф”); 3) специфическая форма мышления (“мифическое мышление”); 4) форма поэ-*

тического творчества; 5) орудие познания» [26, с. 405]. На наш взгляд, Ф. И. Буслаев мыслил более широко, хотя все пять значений концепта «миф» в его работах присутствуют. Кроме того, он исследовал не только природу мифа, но и мифологического типа мышления; мы также разводим эти понятия.) открывает дополнительные возможности для осмысления его представлений о мифологическом типе мышления.

Хотя ни в одном исследовании Ф. И. Буслаев детально не прорабатывал этот аспект своей мифологической теории, нам удалось собрать все его суждения о своеобразии мыслительных операций человека «доисторической формации» и древних цивилизаций. В синтезированном варианте они представляют собой сконструированный нами нарратив, интерпретация которого и дает ключ к пониманию рассуждений ученого о том, почему именно миф явился первоначальной формой духовной культуры человечества, почему первые попытки постижения человеком тайн существования Вселенной и общества должны были принять такую своеобразную, образно-фантастическую и причудливую форму, как мифотворчество.

В первой половине XIX в., когда эти вопросы были поставлены в филологии, ответы на них, казалось, уже были найдены в философской антропологии В. Гумбольдта. Не имея представлений об истинных причинах психических реакций человека, немецкий философ использовал в качестве единицы измерения динамики мыслительных процессов слово, рассматривая с противоречивых позиций симбиоз научного предвидения (интуиции) и точных лингвистических исследовательских практик механизм словообразования. Рассуждения в этом режиме подсказывали ему, что видимое выражение мысли – слово – является полным тождеством мысли, поэтому и история человеческого сознания по своему содержанию оказывалась дубликатом истории языкознания.

Ф. И. Буслаев так же, как и В. Гумбольдт, для описания скрытых от науки механизмов эмоционального переживания человека древности использовал смысловое пространство слова или текста, переводя, таким образом, вопрос о психологии личности, и коллективной личности в том числе, в плоскость языковых явлений.

Кроме того, он, как и классик немецкой трансцендентальной философии, допускал влияние слова на мировоззрение человека, процесс коллективного творчества, характер национальной культуры.

Руководствуясь идеей о том, что язык (слово) и миф сущностно неразделимы, Ф. И. Буслаев в своих историко-филологических работах утверждал, что язык и миф зародились в одно и то же

время, синхронно, подчиняясь одному и тому же закону «творческой фантазии» [12, с. 159, 161]. И тот и другой изображают мир таким, каким его ощущает человек, являясь частью конкретной этнокультурной группы; вбирают «все умственные и нравственные интересы народа», творчески преобразовывая действительность [12, с. 186, 187]. И язык, и миф созданы «всей массой народа», являются его «общим достоянием» [20, с. 3, 6].

Отсутствие у «культурно отсталых» народов противопоставления между предметом и его символической формой, существом и его наименованием, вещью и словом являлось для Ф. И. Буслаева неопровержимым основанием для рассмотрения архаической формы сознания по аналогии с процессом словообразования.

Первой особенностью мифологической (архаической, мифопоэтической) формы сознания был по-детски наивный способ постижения мира – через его образно-чувственное восприятие. Ф. И. Буслаев называл этот способ мировосприятия «первобытным мышлением» [12, с. 185], «простосердечным мышлением с наивными убеждениями», «наивными воззрениями на окружающую природу» человека, который словно смотрит на мир «с порога своего родного дома» [6, с. 550]. Сравнение мифологического мышления с детским – незрелым, наивным, простодушным, доверчивым – взглядом на мир не было случайным. Поясняя свои ассоциации, Ф. И. Буслаев сравнивал первобытных людей с детьми. Подобно тому как дети, неосознанно перенимая у взрослых слова и выражения, «по отвлеченности или по обширности смысла» им непонятные, дают полученной информации «другой оборот, больше согласный с их детскими взглядами и понятиями», так и люди незапамятных времен бессознательно, со звуками родного языка получая «готовый запас воззрений и понятий», доверительно применяли их, не подвергая сомнению, даже если по сегодняшним меркам они кажутся глубоко ошибочными [14, с. 63, 64]. *(Представления о детском взгляде на мир человека архаических и древних обществ присутствуют во многих современных работах. К примеру, А. В. Подосинов подчеркивает важность исследований по психологии ребенка для понимания специфики архаического, или мифологического, сознания, так как ребенок проходит «в своем онтогенезе во многом те же стадии осознания и восприятия пространственных отношений, что и древние народы в филогенезе» [25, с. 37].)*

Мифологическое мышление как специфический, детский взгляд на мир, было образным, чувственным, непосредственным, эмоциональным. Таким его сформировали, по мнению Ф. И. Буслаева, сразу два фактора: эффект пере-

живания человеком его самых первых, пронзительно острых впечатлений и «живописность... изобразительность» языка [9, с. 9, 39, 188, 189]. «Свежесть воззрений на природу» [9, с. 9] и неограниченное никакими пределами «творчество языка, проявлявшееся всегда новыми и свежими формами» [12, с. 178], создавали благоприятную среду для появления невероятных образов природы: сначала зооморфных, затем антропоморфных или причудливых, гибридных по комплектации элементов, вариантов. Они служили персонификацией объективированных коллективным сознанием природных сил, предметов и явлений природы.

Богатый простор для выражения творческой фантазии людей архаических и древних обществ дают их анимистические представления. Зародившаяся вера в «тайное общение человеческой души» с природой породила «бессознательное обоготворение» ее сил, являвшихся перед людьми в многочисленных образах [9, с. 66]. Язык и в этом случае, благодаря своим изобразительным возможностям, помогал человеку художественно осмыслить мир, так как ему удавалось соединить внешний импульс – внезапно возникшее ощущение – с эмоциональным «выбросом» мысли в новую конфигурацию звуков и превратить, таким образом, рождавшийся в сознании человека одушевленный образ природы в «гармонически сомкнутое целое», или символическую систему [12, с. 177, 185]. *(В нижеприводимых цитатах мы подтвердим эти краткие обобщения рассуждениями самого Ф. И. Буслаева. Романтической идиллией веет от его опытов перевоплощения в первобытного человека, словно пережившего те же эмоции, что и человек седой древности, и с удовольствием описавшего процесс своей мыслительной деятельности.)*

«Бессознательная, первобытная жизнь народа, выражаемая в языке, по преимуществу отличается наивным согласием природы духовной человека с силами природы физической. Свою собственную душу человек понимает первоначально не иначе как в связи с явлениями мира внешнего: он догадывается о ней как о силе только по тем проявлениям творческой силы, какие замечает в окружающем его воздухе, в воде и в других вещественных элементах. Те душевные движения, которые человек сознает в себе, присутствуют и в окружающей природе, но до времени остаются немые, выжидая своего чудесного явления в каком-либо сверхъестественном существе. Божество... скрывается за явлениями природы, которые потому и казались способными заключить в себе такую же нравственную жизнь, какова и в человеке... Словами душа, дух человек родил себя со всей окружающей себя природой как бы для того, чтобы повсюду в природе чувствовать свое присутствие...» [8, с. 137, 138. Курсив автора].

«Все это идеальное целое объемлется вещественным покровом членораздельных звуков, которыми человеческая мысль объявляет свои права на столь же материальное существование, каково существование природы, окружающей человека» [12, с. 177].

«Изображая бесконечно различные явления природы, [язык. – М. Н., Т. П.] постоянно исходит из воззрений человека и, живописуя природу, имеет в виду человека, с помощью выраженных в словах воззрений и впечатлений ставя его... на первом плане ландшафта и вместе с тем указывает ему точку зрения на предмет» [12, с. 187].

«В эпоху образования языка и преданий метафора была необходимой, существенной оболочкой языческих верований, олицетворявших душевные силы в образах вещественной природы... Вообще и постоянно оказывается несомненным взаимное действие образующихся поверий и языка» [12, с. 166].)

По мере развития первобытного общества шел процесс усложнения первоначально возникших образов, происходили их географическая локализация и историко-культурная актуализация [15, с. 105–107; 18, с. 217–219; 19, с. 655–659]. Так, народная фантазия, «одевая мифическими красками» все наиболее яркие, памятные события в жизни людей, стала превращать пращуров в полубогов, а «стародавних врагов» – в великанов со сверхъестественным могуществом. Язык вновь выполнял свои созидательно-креативные функции, давая жизнь и этим образам, воплотившим жизненные реалии самих первобытных людей.

Второй особенностью мифологического мышления является бессознательный, непреднамеренный – «нечувствительный» – характер производства, усвоения и передачи информации.

Приобщение к культуре родного народа начинается уже с момента появления на свет человека, когда он вместе с языком «нечувствительно впитывает в себя все воззрения на жизнь, основанные на верованиях и обычаях» [9, с. 88]. Незатейливость и незамысловатость этих воззрений «мифической эпохи» делали востребованным лишь «естественный» язык, лишенный каких бы то ни было литературных прикрас, который являлся «прямым выражением мысли» [9, с. 9]. «Живость начального впечатления» от природного и социального окружения и «воспитанное язычеством» образно-символическое восприятие мира начали сглаживаться только «по мере умственного развития народа». Так, осязаемые результаты «возведения слова от наглядного представления до общего понятия» или отвлеченной мысли появились, по мнению Ф. И. Буслаева, только с принятием христианства [9, с. 89, 90]. Все прежде существовавшие контакты народов, не миновавших еще первобытной ступени в своем развитии, с цивилизациями античности, а затем и Средневековья, не

имели шансов «вывести народное сознание из первобытного состояния бессознательного мифологического творчества» [7, с. 130]. «Бессознательная преданность... простонародья старине» сохраняется и в период «двоеверия», или полужычества-полухристианства, в ранних цивилизациях, и даже в современном мире, где успехи просвещения не смогли затронуть сельскую глубинку [7, с. 182]. (Ф. И. Буслаев отметил сохранение отдельных элементов мифологического мышления во второй половине XIX в. Вывод о том, что конкретно-образное постижение-переживание мира сохранилось в ряде социокультурных обществ «до наших дней», присутствует в работах и современных ученых, разделяющих семиотический и мифологический структуралистический подходы к проблемам истории и культуры. – См., к примеру: [21, с. 87–89; 22, с. 21, 73, 153, 159, 163; 25, с. 30, 31; 28, с. 442, 443].)

Мифологическое мышление всегда ориентировано на традицию (предание), опыт предков, которые считались эталоном творческих процессов; образцом организации уклада жизни, быта; парадигмой, моделирующей мировоззрение и поведенческие реакции всех последующих поколений.

К этой, третьей, особенности мифологического мышления Ф. И. Буслаев обращался особенно часто, так как был уверен в том, что «родная старина» отождествлялась с той «священной областью, из которой идет все великое, все нравственное, всякая правда и истина». Называя старину святой и непорочной, каждое новое поколение людей словно «прозревает своих предков-героев... и самих богов», которые обеспечили им «настоящий порядок вещей» и гарантировали «все будущее развитие». В нравственной жизни народа глубоко заложено «безусловное, слепое чувство старины», в которой любой человек видел «завет предков потомкам». «На обожании старины крепится вся нравственная жизнь народа», – писал Ф. И. Буслаев. Благоговение перед нравами предков и их юридическими обычаями было выражением благоговения к самим богам, якобы преуспевшим в приобщении народа к нормам нравственности. Почитание суеверных обрядов, бережное отношение к «обрядной песне, чарующему заклятию или наговору» тоже находят свое объяснение в трепетном чувствовании богов-покровителей, так как «в своей детской простоте» первые люди верят «в высшую сверхъестественную силу, вложенную в поэтическое слово самим божеством» [4, с. 111, 112; 7, с. 180–182].

Идеализированная старина представлялась народным сознанием как сакральное время, некий «золотой век» первотворения, божественными усилиями вызвавший появление из небытия всех проявлений жизни, в том числе и духовной. Свое

«духовное бытие» народ впервые осознал в обладании «даром слова», которым «Творец отличил человека от прочих тварей». Уважение к этому священному дару было тем сильнее, чем быстрее сознанием давно минувших поколений овладевала мысль о том, что слово – это «мыслительность целых поколений, никому не ведомо когда и как образовавшаяся. Сама неизвестность доисторического происхождения языка» давала народу уже достаточный повод для того, чтобы видеть в слове «нечто господствующее над живыми, нарождающимися поколениями, сменяющимися друг друга в течение веков». Оттого-то всякий вымысел, любая новая идея могли «получить гражданство не как новость, но как припоминание утраченного предания; как уяснение и развитие того, что отчасти уже было давно всем и каждому известно. Слово как вернейшее хранилище предания по преимуществу должно было господствовать над всеми жизненными интересами эпического периода» [15, с. 111, 112]. *(Эту же мысль не менее глубоко и образно выразил М. М. Бахтин. Характеризуя «эпический мир», то есть мир, созданный «эпическим сознанием», он назвал его миром абсолютных «начал» и «вершин», так как его дистанцированность от незавершенного настоящего и «опора на безличное непрекаемое предание» превращает категории «предок», «начало», «первый» в ценностно-временные понятия превосходной степени. «Эпический мир абсолютного прошлого по самой природе своей недоступен личному опыту и не допускает индивидуально-личной точки зрения», он исключает любую возможность иного подхода к оценкам, получившим «общезначимость», и заточен на «глубокую пиететность в отношении предмета изображения и самого слова о нем как слова предания» [1, с. 458–461].)*

Ф. И. Буслаев также акцентировал внимание на том существенном факте, что мифологическое мышление было укоренено в «безотчетных убеждениях» людей древности, поэтому оно характеризовалось отсутствием понятных нам законов логики. Для человека, «воспитанного верованиями мифической эпохи», эти законы нарушались смешением представлений о сущности природных явлений с самими «силами и явлениями природы» или уподоблением сущности вещи впечатлению, производившемуся ею [12, с. 159].

Хотя Ф. И. Буслаев не использовал таких современных дефиниций мифологического мышления, как диффузность и нерасчлененность [23, с. 13], он явно их подразумевал, когда, изучая сложный процесс художественного освоения действительности людьми незапамятных эпох, указал на значение художественных тропов при создании мифологических образов. Если метафора позволяла выразить идею тождества человеческого и природного, сущности предмета и эмоциональной

реакции на нее, то метонимия давала возможность первобытному сознанию смешать «произведение с производителем и действие с причиной», подменить представления о количестве и качестве [12, с. 168, 169].

Неумение абстрагироваться от «вещной» природы бытия и оперировать умозрительными категориями на низшей ступени развития, тем не менее, по убеждениям ученого, не свидетельствует о примитивности или недоразвитости людей с мифологическим мышлением. Им, к примеру, уже в глубокой древности были знакомы «два простейших и первоначальных приема нашего мышления»: сравнение и «противоположение» [12, с. 189]. Напрямую связанные с загадочным процессом словообразования, они позволяют охарактеризовать мифологическое сознание как «необыкновенно затейливое», пропитанное особой свежестью, изобразительностью, художественностью [12, с. 189–191].

Ф. И. Буслаеву, таким образом, удалось обнаружить особенности донаучной «мифологической логики»: первобытное мышление еще не отделилось от эмоциональной, аффектно-моторной сферы [23, с. 12], поэтому и мысли людей, материализованные в словах, красноречиво свидетельствуют о «наивных усилиях разума» [12, с. 166].

Иллюстрируя свои наблюдения, ученый приводит многочисленные примеры из санскрита – древнейшей формы индоевропейского языка, который находился на той ступени развития, когда «изобразительное впечатление, производимое свойством предмета, еще мало отделялось от названия самого предмета; когда еще ясно осознавался в названии предмета его эпитет, то есть отличительный признак, с первого раза резко бросающийся в глаза»: солнце – делающее день, луна – делающая ночь; человек – двуногий; обезьяна – как бы человек; слон – не однажды пьющий, зубастый, имеющий хобот (руку); гора – надвигающаяся, несущая землю [12, с. 188, 189].

Отвлеченные понятия: «божество» или «душа» – тоже имели конкретные, «осязаемые» названия, которые словно «удерживали» первоначальное впечатление от соприкосновения с неизведанным или постижением его.

Так, в индоевропейских языках «душа» в различных ее проявлениях «получила название от воздуха, ветра, бури, холода, огня, пламени, крови, воды, волны» [20, с. 10]. Это «картинное, наглядное описание» сложного умозрительного понятия Ф. И. Буслаев объясняет тем, что мифологическое сознание «не выражало мысли во всей ее полноте и определенности» – оно апеллировало к стереотипным, неизменно повторявшимся язы-

ковым формулам, «раз и навсегда сложенным» [11, с. 228, 229] под воздействием эмоционального озарения. Пример «восхождения изобразительно-впечатления, выраженного звуками, до отвлеченного понятия» Ф. И. Буслаев, следуя Я. Гримму, обнаружил в словах «долг» и «потребность», которые, как это ни покажется странным, были производными от глаголов «ударять», «бить», «резать», «приносить жертву» [12, с. 183].

Временная дистанция, отделяющая современный мир от первоначального эмоционального импульса, давшего жизнь новому слову в лексиконе наших предков, нередко придает «первобытным формам языка» таинственность, граничащую с «темнотой». В этом случае филологи не в состоянии разорвать покров таинственности и постичь процесс словообразования [12, с. 190, 191].

Еще одна особенность мифологического мышления – это его статичность, устойчивость, постоянство. Ф. И. Буслаев, заметив эту специфику процесса «уразумения» архаических и древних народов, констатировал: «Раз убедившись в чем-либо, [народ. – М. Н., Т. П.] не станет уже при случае менять свое убеждение» [11, с. 223]. «Неподвижность» первоначальной формы сознания наших пращуров придавала «стоячие свойства» всем проявлениям народного духа: и языческим преданиям, и народной поэзии, и, конечно, мифологии [13, с. 440].

Вневременной, или внеисторической, «ни от каких случайностей независимой» характер мифологического мышления Ф. И. Буслаев объясняет рядом причин. Таким его, прежде всего, сделало «животрепещущее верование», или религиозный фанатизм язычников; кроме того, консерватизм повседневной культуры низов общества, однообразно повторяющих из века в век старинные обычаи и обряды, которые «безо всякого участия сознания» народа живут в их суевериях, играх, забавах и сохраняются одной лишь силой привычки [5, с. 24, 25; 13, с. 439–441; 16, с. 414]. Кроме того, пietet к священной старине, заветам предков, преклонение перед мудростью и опытом создателей национальной культуры поощряют каждое новое поколение бережно относиться к родной старине [11, с. 223]. Наконец, в нетронутых благами цивилизации районах земли старинное предание заменяет и школу, и науку, сопровождая «всю жизнь человека, от колыбели до могилы» [20, с. 44, 45].

Убеждая нас в том, что мифологическое сознание «выступает из пределов исторического течения времени» [13, с. 439], Ф. И. Буслаев не боялся впасть в противоречия, когда постулировал прямо противоположную идею о детерминированности

коллективного сознания динамично развивавшимися формами материального, военного и юридического быта, что находило проявления либо в эволюции процесса мифотворчества (*Например, Ф. И. Буслаев проследил последовательную смену космогонических мифов теогоническими, а затем и героическими. Окончательно вытеснив из народного творчества теогонические сюжеты, героический эпос, «все более и более прерывая нити, связывавшие его с народной мифологией, вступает на поприще исторического рассказа» [16, с. 415].*), либо даже в элиминировании творческого наследия предков. (*В работе «Русский народный эпос» Ф. И. Буслаев объясняет процесс вытеснения из народного сознания тем и сюжетов, не соответствовавших уже изменившимся условиям исторического быта: «По требованиям развивающихся поколений или вследствие разных исторических обстоятельств... иногда целые отделы древнейшей народной поэзии вместе с древнейшими поколениями вымирают... Со временем одни эпизоды пропадают, другие возникают вновь, иные подновляются, по требованию новых обстоятельств и воззрений и... покрываются новыми наростами. Однако, несмотря на это постоянное видоизменение составных частей [народного эпоса. – М. Н., Т. П.], – делает он вывод, словно отбрасывая появившиеся сомнения, – целое остается невреждено... Точно так дерево остается свежо и наполнено жизнью, пока здоров его корень, сколько бы не меняло оно ветвей и листьев...» [16, с. 415].*)

Следуя теоретическому наследию Я. Гримма, где содержался вывод о слабой изменчивости выражавших «дух народа» основ национальной культуры, Ф. И. Буслаев не сомневался в том, что даже нарушение некогда единого здания цельного народного эпоса при отдалении от «мифических основ древнейших эпох» не способно разрушить «заветные убеждения и воззрения народа на жизнь и природу». Это невозможно сделать хотя бы потому, что мифологические представления не просто составляют «народный быт», а являются «самой народной жизнью, возведенной на первую степень сознания» [16, с. 414, 415].

По всей видимости, он имел в виду архетипические фундаментальные основания национальной культуры (язык, религию, мифологию), которые прочно укоренены в сознании многих поколений людей. В этом случае не вызывает возражения его мысль о том, «что первая ступень сознания» сохраняла свою первозданную наивность и непосредственность мироощущения на протяжении тысячелетий, заявляя о своем существовании в Западной Европе до эпох Возрождения и Реформации, а в России – и значительно дольше [14, с. 62].

Однако, «застряв в современной жизни народа», ранние мифологические представления все же неизбежно утрачивают свои первоначальные смыслы и становятся лишь данью памяти, обяза-

тельной формальностью, декоративным украшением жизни [7, с. 673].

Подводя итог, еще раз обратим внимание на то, что для Ф. И. Буслаева миф был не только и не столько сказанием о богах и героях. На ранней стадии существования человечества миф в осмыслении ученого был единственно возможным способом познания природного и социального Универсума. Миф мог быть особой формой мышления архаических и древних обществ, специфическим, отличным от современного мировоззрением. Он появлялся на свет во время бессознательного коллективного творческого процесса, отражая интуитивно-эмоциональное видение людьми окружающего мира и придавая ему художественную образность. Однако непреднамеренный, а порой и случайный характер рождения мифа не исключает осознанного отношения к нему как к истине, правде, единственно верному ответу на вопрос, связанный с постижением тайн существования природы, человека, общества. Закрепленный в коллективной памяти во время религиозных ритуалов, обрядовых действий, миф превращался в верование, религиозный опыт, интеллектуальный багаж первобытных коллективов. Миф, не отделенный от творчески-познавательной деятельности, сам мог стать источником новых видов художественного творчества первых народов земли.

Мифические представления ранних обществ – это продукт неосознанного содержания психики: они были порождены, а затем и обуславливались мифологическим типом мышления. Конкретное, предметно-образное, не знающее абстрактно-логических операций, опирающееся на традицию мифологическое мышление управляло духовной жизнью народа, а также выступало регулятором поведенческих реакций и социальных процессов на протяжении тысячелетий. Рудименты этого первого в истории человечества «способа мыслить и выражаться» [19, с. 680] сохраняются и поныне.

Эти выявленные нами в творчестве Ф. И. Буслаева представления о сущности мифа и специфике мифологического мышления в наши дни хорошо известны (*Они получили всестороннее освещение в работах Вяч. Вс. Иванова, Э. Кассирера, К. Леви-Строса, Ю. М. Лотмана, Е. М. Мелетинского, В. Н. Топорова и других представителей семиотического и мифолого-структуралистического подходов к проблемам истории культуры*). Мало кто из наших современников, знакомых с достижениями культурной антропологии, структурно-семиотическими методами исследования мифотворчества, догадывается, что именно Ф. И. Буслаев был первым российским ученым,

приступившим к изучению природы мифа, особенностей процесса мифотворчества, сущности мифологического мышления. К сожалению, в XX в. о культурно-исторических опытах Ф. И. Буслаева, связанных с постижением этих важных для гуманитарного знания вопросов духовной культуры, забыли. К его трудам современные историки культуры обращаются нечасто, хотя ему больше, чем кому бы то ни было другому в России, удалось сделать для разработки мифологической теории [26, с. 10]. (*А. В. Подосинов начинает список дореволюционных ученых, внесших «большой вклад в разработку» понимания природы архаического мышления, с Ф. И. Буслаева. Таким образом, он солидаризируется с выводом А. Л. Топоркова [25, с. 37].*)

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Эпос и роман [Текст] / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 458–461.
2. Буслаев, Ф. И. Бытовые слои русского эпоса [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Народная поэзия. Исторические очерки. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1887. – С. 245–284.
3. Буслаев, Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Сочинения по археологии и истории искусства: в 3 т. – Т. 1. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1908. – С. 459–522.
4. Буслаев, Ф. И. Древнейшие эпические предания славянских племен [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб.: В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 355–376.
5. Буслаев, Ф. И. Женщина в народных книгах [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Мои досуги: собранные из периодических изданий мелкие сочинения: в 2 ч. – Ч. 2. – М.: В Синодальной типографии, 1886. – С. 24–69.
6. Буслаев, Ф. И. «Индо-германы, или сайване» А. Ф. Вельтмана [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве / сост., подг. текста, статья и коммент. А. Л. Топоркова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – С. 546–559.
7. Буслаев, Ф. И. Лекции Ф. И. Буслаева Е. И. В. наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу (1859–1860 г.) [Текст] / Ф. И. Буслаев // Старина и новизна: исторический сборник, издаваемый при обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. – М.: Синодальная типография, 1904. – Кн. 8. – С. 97–375.
8. Буслаев, Ф. И. Мифические предания о человеке и природе, сохранившиеся в языке и поэзии [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб.: В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 137–150.

9. Буслаев, Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию [Текст] / Ф. И. Буслаев. – М. : В университетской типографии, 1848. – 211 с.
10. Буслаев, Ф. И. О сродстве одного русского заклятия с немецким, относящимся к эпохе языческой [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 250–256.
11. Буслаев, Ф. И. Об эпических выражениях украинской поэзии [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 210–230.
12. Буслаев, Ф. И. Областные видоизменения русской народности [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 151–209.
13. Буслаев, Ф. И. Письмо к автору «Истории России» [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве. – С. 439–469.
14. Буслаев, Ф. И. Русский богатырский эпос [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Народная поэзия. – С. 1–245.
15. Буслаев, Ф. И. Русский быт и пословицы [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 78–136.
16. Буслаев, Ф. И. Русский народный эпос [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 401–454.
17. Буслаев, Ф. И. Славянские сказки [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 308–354.
18. Буслаев, Ф. И. Следы славянских эпических преданий в немецкой мифологии [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Народная поэзия. – С. 216–244.
19. Буслаев, Ф. И. Сравнительное изучение народного быта и поэзии [Текст] / Ф. И. Буслаев // Русский вестник, издаваемый М. Катковым. – М., 1872. – № 10. Октябрь. – Т. 101. – С. 645–727.
20. Буслаев, Ф. И. Эпическая поэзия [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 1–77.
21. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры. – 2-е изд., испр. и доп. [Текст] / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1984. – 350 с.
22. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа [Текст] / Е. М. Мелетинский. – М. : Гл. ред. восточной лит-ры, 1976. – 407 с.
23. Мифы народов мира [Текст] : энциклопедия / гл. ред. С. А. Токарев : в 2 т. – Т. 1. – 2-е изд. – М. : НИ «Большая российская энциклопедия», 1998. – 672 с.
24. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Ф. И. Буслаев об универсальных ментальных реакциях первобытного человечества [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 1. – С. 177–184.
25. Подосинов, А. В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии [Текст] / А. В. Подосинов. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 720 с.
26. Топорков А. Л. Теория мифа в русской мифологической науке XIX века [Текст] / А. Л. Топорков. – М. : Индрик, 1997. – 456 с. (Традиционная духовная культура славян / Современные исследования.)
27. Топоров, В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы [Текст] / В. Н. Топоров. – Т. 2. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – 496 с.
28. Успенский, Б. А., Лотман, Ю. М. Миф – имя – культура [Текст] / Б. А. Успенский, Ю. М. Лотман // Успенский Б. А. Избранные труды : в 3 т. – Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 432–459.

Bibliograficheskij spisok

1. Bahtin, M. M. Japos i roman [Tekst] / M. M. Bahtin // Bahtin M. M. Voprosy literatury i jestetiki. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1975. – S. 458–461.
2. Buslaev, F. I. Bytovye sloi russkogo jeposa [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Narodnaja poezija. Istoricheskie ocherki. – SPb. : Tip. Imperatorskoj Akademii nauk, 1887. – S. 245–284.
3. Buslaev, F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Sochinenija po arheologii i istorii iskusstva : v 3 t. – T. 1. – SPb. : Tip. Imperatorskoj Akademii nauk, 1908. – S. 459–522.
4. Buslaev, F. I. Drevnejšie jepicheskie predanija slavjanskih plemen [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – T. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 355–376.
5. Buslaev, F. I. Zhenshhina v narodnyh knigah [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Moi dosugi: sobrannye iz periodicheskikh izdanij melkie sochinenija : v 2 ch. – Ch. 2. – M. : V Sinodal'noj tipografii, 1886. – S. 24–69.
6. Buslaev, F. I. «Indo-germany, ili sajvane» A. F. Vel'tmana [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve / sost., podg. teksta, stat'ja i komment.

A. L. Toporkova. – M. : Rossijskaja političeskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2006. – S. 546–559.

7. Buslaev, F. I. Lekcii F. I. Buslaeva E. I. V. nasledniku Cesarevichu Nikolaju Aleksandrovichu (1859–1860 g.) [Tekst] / F. I. Buslaev // Starina i novizna : istoričeskij sbornik, izdavaemyj pri obshhestve revnitelej russkogo istoričeskogo prosveshhenija v pamjat' imperatora Aleksandra III. – M. : Sinodal'naja tipografija, 1904. – Kn. 8. – S. 97–375.

8. Buslaev, F. I. Mificheskie predanija o cheloveke i prirode, sohranivshiesja v jazyke i poezii [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie očerki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – T. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 137–150.

9. Buslaev, F. I. O vlijanii hristianstva na slavjanskij jazyk. Opyt istorii jazyka po Ostromirovu evangeliju [Tekst] / F. I. Buslaev. – M. : V universitetskoj tipografii, 1848. – 211 s.

10. Buslaev, F. I. O srodstve odnogo russkogo zakljatija s nemeckim, odnosjashhimsja k jepohe jazyčeskoj [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie očerki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – T. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 250–256.

11. Buslaev, F. I. Ob jepičeskijh vyrazhenijah ukrainskoj poezii [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie očerki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – T. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 210–230.

12. Buslaev, F. I. Oblastnye vidoizmenenija russkoj narodnosti [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie očerki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – T. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 151–209.

13. Buslaev, F. I. Pis'mo k avtoru «Istorii Rossii» [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovečestve. – S. 439–469.

14. Buslaev, F. I. Russkij bogatyrskij jepos [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Narodnaja poezija. – S. 1–245.

15. Buslaev, F. I. Russkij byt i poslovice [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie očerki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – T. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 78–136.

16. Buslaev, F. I. Russkij narodnyj jepos [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie očerki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – T. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 401–454.

17. Buslaev, F. I. Slavjanskije skazki [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie očerki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – T. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 308–354.

18. Buslaev, F. I. Sledy slavjanskijh jepičeskijh predanij v nemeckoj mifologii [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Narodnaja poezija. – S. 216–244.

19. Buslaev, F. I. Sravnitel'noe izučenie narodnogo byta i poezii [Tekst] / F. I. Buslaev // Russkij vestnik, izdavaemyj M. Katkovym. – M., 1872. – № 10. Oktjabr'. – T. 101. – S. 645–727.

20. Buslaev, F. I. Jepičeskaja poezija [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie očerki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – T. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 1–77.

21. Gurevich, A. Ja. Kategorii srednevekovoj kul'tury. – 2-e izd., ispr. i dop. [Tekst] / A. Ja. Gurevich. – M. : Iskusstvo, 1984. – 350 s.

22. Meletinskij, E. M. Pojetika mifa [Tekst] / E. M. Meletinskij. – M. : Gl. red. vostočnoj lit-ry, 1976. – 407 s.

23. Mify narodov mira [Tekst] : jenciklopedija / gl. red. S. A. Tokarev : v 2 t. – T. 1. – 2-e izd.. – M. : NI «Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija», 1998. – 672 s.

24. Novikov M. V., Perfilova T. B. F. I. Buslaev ob universal'nyh mental'nyh reakcijah pervobytnogo chelovečestva [Tekst] / M. V. Novikov, T. B. Perfilova // Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik. – 2018. – № 1. – S. 177–184.

25. Podosinov, A. V. Ex oriente lux! Orientacija po stranam sveta v arhaičeskijh kul'turah Evrazii [Tekst] / A. V. Podosinov. – M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1999. – 720 s.

26. Toporkov A. L. Teorija mifa v russkoj mifologičeskoj nauke XIX veka [Tekst] / A. L. Toporkov. – M. : Indrik, 1997. – 456 s. (Tradicionnaja duhovnaja kul'tura slavjan / Sovremennye issledovanija.)

27. Toporov, V. N. Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye kompleksy [Tekst] / V. N. Toporov. – T. 2. – M. : Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2010. – 496 s.

28. Uspenskij, B. A., Lotman, Ju. M. Mif – imja – kul'tura [Tekst] / B. A. Uspenskij, Ju. M. Lotman // Uspenskij B. A. Izbrannye trudy : v 3 t. – T. 1. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury. – 2-e izd., ispr. i dop. – M. : Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1996. – S. 432–459.

Reference List

1. Bakhtin M. M. Epos and novel / M. M. Bakhtin // Bakhtin M. M. Questions of literature and aesthetics. – M. : Khudozhestvennaya Literatura, 1975. – P. 458–461.

2. Buslaev F. I. Household layers of the Russian epos / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. National poetry. Historical sketches. – SPb. : Printing House of Imperial Academy of Sciences, 1887. – P. 245–284.

3. Buslaev F. I. Guesses and dreams about primitive mankind / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Compositions on archeology and history of art: in 3 v. – V. 1. – SPb. : Printing House of Imperial Academy of Sciences, 1908. – P. 459–522.

4. Buslaev F. I. The most ancient epic legends of Slavic tribes / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Historical essays of the Russian national literature and art: in 2 v. – V. 1. Russian national poetry. – SPb. : In Printing House «Obshchestvennaja Polza», 1861. – P. 355–376.

5. Buslaev F. I. Woman in national books / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Mine leisure: the small compositions collected from periodicals: in the 2nd edition. – P. 2. – M.: In Synod Printing House, 1886. – P. 24–69.
6. Buslaev F. I. «Indo-germen, or saivans» A. F. Veltman / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Guesses and dreams about primitive mankind / author, text prepared, article and comments by A. L. Toporkova. – M.: Rossiiskaya Politicheskaya Entsiklopediya (ROSSPEN), 2006. – P. 546–559.
7. Buslaev F. I. Lectures of F. I. Buslaev E. I. to the successor to Crown Prince Nikolay Aleksandrovich (1859–1860) / F. I. Buslaev // Antiquity and novelty: the historical collection published at society of adherents of the Russian historical education in memory of the Emperor Alexander III. – M.: Synod Printing House, 1904. – Book 8. – P. 97–375.
8. Buslaev F. I. The mythical legends about the person and the nature which have remained in language and poetry / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Historical essays of the Russian national literature and art: in 2 v. – V. 1. Russian national poetry. – SPb.: In Printing House «Obshchestvennaya Polza», 1861. – P. 137–150.
9. Buslaev F. I. On influence of Christianity on the Slavic language. Experiment of history of language on Ostromirov gospel / F. I. Buslaev. – M.: In University Printing House, 1848. – 211 p.
10. Buslaev F. I. On affinity of one Russian paternoster with the German relating to an pagan era / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Historical essays of the Russian national literature and art: in 2 v. – V. 1. Russian national poetry. – SPb.: In Printing House «Obshchestvennaya Polza», 1861. – P. 250–256.
11. Buslaev F. I. About epic expressions of the Ukrainian poetry / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Historical essays of the Russian national literature and art: in 2 v. – V. 1. Russian national poetry. – SPb.: In Printing House «Obshchestvennaya Polza», 1861. – P. 210–230.
12. Buslaev F. I. Regional modifications of the Russian nationality / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Historical essays of the Russian national literature and art: in 2 v. – V. 1. Russian national poetry. – SPb.: In Printing House «Obshchestvennaya Polza», 1861. – P. 151–209.
13. Buslaev F. I. The letter to the author of «History of Russia» / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Guesses and dreams about primitive mankind. – P. 439–469.
14. Buslaev F. I. Russian folk epic / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. National poetry. – P. 1–245.
15. Buslaev F. I. Russian life and proverbs / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Historical essays of the Russian national literature and art: in 2 v. – V. 1. Russian national poetry. – SPb.: Printing House «Obshchestvennaya Polza», 1861. – P. 78–136.
16. Buslaev F. I. Russian national epos / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Historical essays of the Russian national literature and art: in 2 v. – V. 1. Russian national poetry. – SPb.: Printing House «Obshchestvennaya Polza», 1861. – P. 401–454.
17. Buslaev F. I. Slavic fairy tales / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Historical essays of the Russian national literature and art: in 2 v. – V. 1. Russian national poetry. – SPb.: Printing House «Obshchestvennaya Polza», 1861. – P. 308–354.
18. Buslaev F. I. Traces of Slavic epic legends in the German mythology / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. National poetry. – P. 216–244.
19. Buslaev F. I. Comparative studying of national life and poetry / F. I. Buslaev // the Russian bulletin issued by M. Katkov. – M., 1872. – № 10. October. – V. 101. – P. 645–727.
20. Buslaev F. I. Epic poetry / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Historical essays of the Russian national literature and art: in 2 v. – V. 1. Russian national poetry. – SPb.: Printing House «Obshchestvennaya Polza», 1861. – P. 1–77.
21. Gurevich A. Ya. Categories of medieval culture. – 2nd edition., corrected and added / A. Ya. Gurevich. – M.: Iskusstvo, 1984. – 350 p.
22. Meletinsky E. M. Poetics of the myth / E. M. Meletinsky. – M.: Glavnaya Redaktsiya Vostochnoi Literatury, 1976. – 407 p.
23. Myths of people of the world: encyclopedia/ editor-in-chief S. A. Tokarev: in 2 v. – V. 1. – 2nd edition. – M.: «Bolshaya Rossiiskaya Entsiklopediya», 1998. – 672 p.
24. Novikov M. V., Perfilova T. B. F. I. Buslaev about universal mental reactions of primitive mankind / M. V. Novikov, T. B. Perfilova // Verkhnevolzhsky Philological Bulletin. – 2018. – № 1. – P. 177–184.
25. Podosinov A. V. Ex oriente lux! Orientation over the countries of light in the archaic cultures of Eurasia / A. V. Podosinov. – M.: Yazyki Russkoi Kultury, 1999. – 720 p.
26. Toporkov A. L. The theory of the myth in the Russian mythological science of the 19th century / A. L. Toporkov. – M.: Indrik, 1997. – 456 pages. (Traditional spiritual culture of Slavs / Modern researches.)
27. Toporkov V. N. World tree: Universal sign complexes / V. N. Toporov. – V. 2. – M.: Hand-written monuments of Ancient Russia, 2010. – 496 p.
28. Uspensky B. A., Lotman Yu. M. The myth – a name – culture / B. A. Uspensky, Yu. M. Lotman // Uspensky B. A. Selected works: in 3 v. – V. 1. History semiotics. Culture semiotics. – 2nd edition, corrected and added – M.: School «Yazyki Russkoi Kultury», 1996. – P. 432–459.